

Рисунки Э. БУЛАТОВА

ЖИЗНЬ БЕЗ ЭКЗОТИКИ

По прямой между Каиром и Хартумом более полутора тысяч километров. Почти на всем этом пути с самолета видны лишь пески и камни. Воздушная трасса оставляет в стороне Нил и узкую полоску его долины. И кажется, что нет вблизи ни восьми провинций Верхнего Египта, ни городков и деревень Судана, тесно прижавшихся к берегам реки.

Все выпито и высушено пустыней. Земля без воды и зелени, лишенная жизни, неприглядна и мрачна: плоские плато унылого коричневатого цвета, угольно-черные холмы и скалы, похожие на уродливые бородавки, грязно-белые прожилки известняков, пересохшие русла рек. Об этих местах русский путешественник прошлого века Е. П. Ковалевский писал, что нигде не видел он такого совершенного, поражающего подвоя кладбища.

Да, в этом безжизненном краю человек еще не имеет права сказать: «Я хозяин природы!» Напоить беспредельные пески, дать воду и землю миллионам людей, рождающихся и умирающих поколение за поколением в нищете, — вот великая задача и подлинное испытание для его творческого гения. В своих усилиях человек может опереться здесь на мощь Нила; перед ней расступаются пески. Ведь учеными подсчитано, что нильской водой, более трети которой без пользы уходит в Средиземное море во время наводнений, можно оросить около 50 миллионов акров земли вместо восьми миллионов, орошаемых сейчас (для сравнения напомним, что вся обрабатываемая площадь Египетского района ОАР в настоящее время равна шести миллионам акров).

После мертвой пустыни вид озерков и рощиц Вади-Хальфа, суданского городка на Ниле, по-настоящему радует и освежает. Правда, ненадолго. Устоявшийся, чисто африканский зной на поле аэродрома напоминает о том, что вы уже пересекли тропик Рака.

Во время короткой остановки в Вади-Хальфа и состоялось наше первое знакомство с новой землей. Скромный зал аэровокзала. На видном месте фотография в простенькой рамке. На ней дворец английского генерал-губернатора в Хартуме, ныне занимаемый Верховной комиссией — коллективным президентом Республики Судан. Изображен момент спуска английского и египетского флагов — флагов стран, «совместно» управлявших Суданом с 1899 года (фактически Судан управлялся одной Англией). Вместо этих флагов на мачту поднимается сине-желто-зеленое полотнище государственного флага Судана. На фотографии запечатлено историческое событие — 1 января 1956 года, день провозглашения независимости.

— Помните: вы приехали в независимую страну! — казалось предупреждала она иностранцев, только что пересекших границу.

В Хартум вместе с нами летел корреспондент лондонской газеты «Ньюс кроникл». Чувствовал он себя неловко и смущенно, как человек, некогда распоряжавшийся в чужом доме и вновь занесенный туда судьбой, но уже при законных хозяевах. Но когда мы вошли в зал, наш коллега вдруг оживился. «Английский обычай», — заметил он, указав в сторону стола, накрытого для чая. Английский обычай, оказывается, предлагал пассажирам подойти к столу, взять приготовленные чашки и самим налить чай из пузатого глиняного чайника.

Это совпадение двух первых контрастных впечатлений могло быть случайным и затеряться в памяти. Однако мы часто вспоминали в Судане этот маленький эпизод...

Через три часа самолет суданских авиалиний доставил нас в Хартум. Город расположен у места слияния Белого и Голубого Нила, на вытянутом полуострове, напоминающем своими контурами хобот слона.

Кстати, воды Белого Нила вовсе не белые, а мутно-грязные, а Голубой Нил выглядит зеленым вблизи и

темным, свинцовым — издали, когда солнечные лучи играют на его рябящей поверхности.

Современный Хартум можно было бы назвать двухэтажной столицей. Он насчитывает около 100 тысяч жителей. Значительный процент из них составляют иностранцы. Заложенный в 1822 году, город застраивался в основном при англичанах и для англичан, а потому и облик имеет чисто европейский. От англичан здесь остались старые пушки, ощерившие свои жерла чуть ли не перед каждым административным зданием. Климатические условия наложили своеобразный отпечаток на облик города. Это сказалось как на архитектуре домов с галереями и навесами от солнца, так и на всем укладе жизни их обитателей.

Судан — одна из самых жарких стран земного шара. В январе, в разгар здешней зимы, средняя температура разна 23 градусам выше нуля, в самом жарком месяце — мае она доходит до 50 градусов. Даже местные жители переносят жару тяжело. Спасаются от нее кто как может. Одни подвешивают к потолку большие, как самолетные пропеллеры, бесшумные вентиляторы, другие покупают установки искусственного климата, третьи устраивают сквозняки к вечеру, когда становится прохладнее. Но даже и сквозняки доступны немногим. Арабская беднота, живущая в Омдурмане в трех километрах от Хартума, ютится в традиционных глинобитных домишках с окнами-бойницами и дверями-щелями.

У обездоленных же приют под каждым деревом, дающим тень. С часу до пяти, когда жара усыпляет все живое и на город опускается тишина знойного дня, десятки и сотни бедняков приходят на тенистую набережную Голубого Нила. Они располагаются на земле, здесь же едят, молятся и купаются, держась ближе к берегу.

Жара диктует свои железные законы — соразмерять силы на работе, непременно отдыхать в дневные часы. Кто пренебрегает ими, рискует очень многим. Может быть поэтому, в отличие от экспансивных ис-

панцев, итальянцев, греков и иных жителей европейского юга суданцы, эти истинные южане, медлительны и спокойны. Мужчины и женщины, как правило, босые, ходят неторопливо, ступают широко, чуть-чуть размахивая длинными, худыми руками. На жесты скупы. Черные лица со следами ритуальных порезов племен оттенены у мужчин белыми галабиями — просторными, почти до пят, рубахами с широкими рукавами, у женщин — светлыми покрывалами.

С первого же взгляда суданцы производят впечатление людей честных и приветливых, откровенных и исполненных чувства собственного достоинства.

Простой народ живет очень бедно, перебиваясь с лепешек из дурры (вид проса) на воду. Единственное удовольствие, в котором в здешних условиях невозможно отказать себе, — это чашка чая или кофе.

Несколько слов об экзотике. Флора и особенно фауна Судана отличаются исключительным богатством и разнообразием. Употребляя известное выражение, в Судане «все есть»: крокодилы и дикие слоны, жирафы и гиппопотамы, зебры, леопарды, гиены, газели и, наконец, около 900 видов птиц. Здесь водятся не только черные, но и редкостные белые носороги; ядовитые змеи мамба, способные догнать лошадь, мчащуюся галопом, а нападения львов заставляют, как сообщают местные газеты, приостанавливать железнодорожные работы в саванне суданского Запада...

Судан — суцая находка для тех, у кого в груди бьется сердце охотника. Он, охотник, приезжает в Хартум (лучше между январем и маем, когда саванна еще не покрылась травой, укрывающей зверей и птиц), еще не покрылась травой, приобретает за 60 фунтов лицензию класса «А» на право охоты по всему Судану и — вольному воля, ищи свою удачу. Ну, а не будет удачи, не охотника учить, как выдать за боевой трофей чучело крокодила или шкуру пятиметровой змеи, купленные по сходной цене на веранде хартумского «Гранд-отеля».

Однако не пора ли отказаться от взгляда на Судан только как на страну крокодилов, львов и слонов, взгляда смешного, наивного, а для суданцев и обидного. С такой точки зрения невозможно разглядеть и понять это молодое независимое государство и его проблемы, так же как невозможно разглядеть и понять Судан через призму «экзотики туземной жизни» с арабами-кочевниками, разъезжающими на верблюдах, и нагими нилотами, опирающимися на колья возле своих хижин. «Экзотика» в действительности, а не на красивых картинках, — это жизнь впроголодь, неграмотность и предрассудки, грязь и болезни, одежда-рубище и дома-хлевы. Об этих язвах Судана, сопутствовавших ему исторически и усугубленных английским колониальным владычеством, и хочется поговорить.

О Судане написано мало, а из того, что написано, почти 90% принадлежит перу английских авторов, в том числе перу Уинстона Черчилля, который в молодые годы служил в войсках генерала Китченера, подавивших освободительное движение махдистов¹.

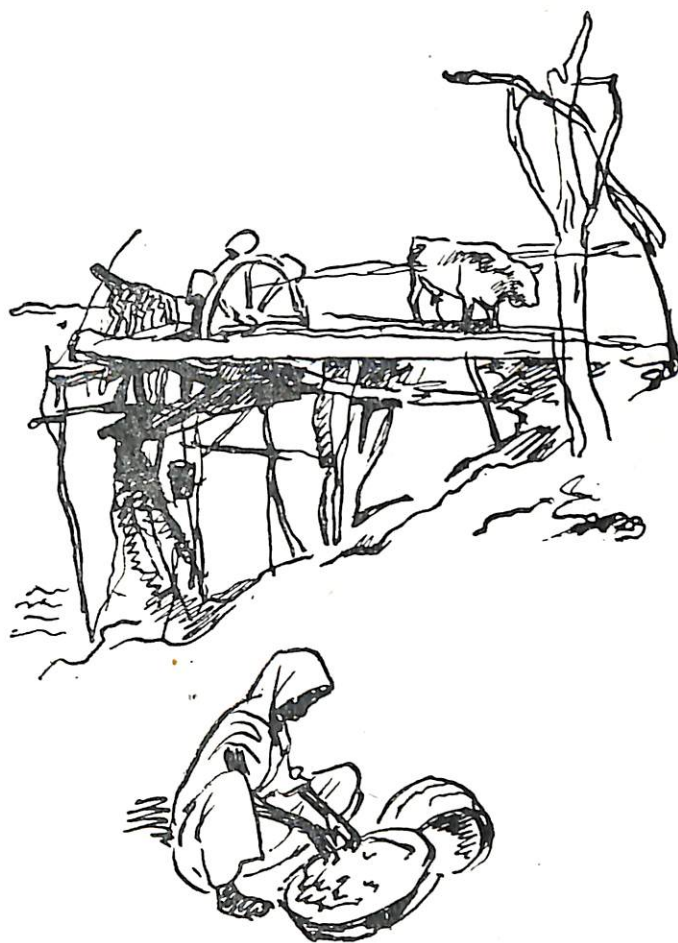
По английским книгам изучала историю Судана и немногочисленная, но влиятельная прослойка образованных суданцев. И в этом был свой умысел. Книжки же самих суданцев о своей стране можно пересчитать по пальцам одной руки, причем и они обычно были написаны под контролем британских университетов.

В последние годы суданцы сами начали заниматься изучением своей страны. Создан департамент статистики при министерстве социальных дел, правда, он возглавляется английским экспертом. Проведена большая работа по организации переписи населения. Введена регистрация рождения, хотя регистрация смерти еще отсутствует. Определяется сумма национального дохода.

Данные переписи переводят на выразительный язык цифр одну из самых серьезных проблем Судана — проблему необычайно пестрого состава населения. Для большинства жителей (51%) родным языком является арабский. Остальные 49% говорят на 116 языках и диалектах. В Судане живет ряд племен. Самые крупные из них (например, племя динка в провинции Верхний Нил) насчитывают около миллиона жителей, самые мелкие — несколько тысяч и меньше.

Арабские племена находятся под сильнейшим влиянием двух основных мусульманских сект Судана — секты ансар и секты хатмия. Вожди сект 80-летние Абд ар-Рахман Махди (ансар) и Али Миргани (хатмия) — самые богатые люди в стране, крупнейшие земельные собственники. Они оказывают на политическую жизнь Судана столь большое влияние, что без учета этого влияния ее попросту нельзя понять. Дело в том, что секта ансар покровительствует партии «Аль-Умма». Во

¹ Восстание махдистов в Судане (1881—1898 годы) по своему размаху и силе было одним из самых мощных народных восстаний, когда либо происходивших в Африке.

время недавних выборов ее последователи в провинциях Кордофан, Дарфур и Голубой Нил обеспечили «Аль-Умме» наибольшее число мест в парламенте и положение первой партии в правительственной коалиции.

Что касается секты хатмия, то она опекает Народно-демократическую партию — вторую партию правящей коалиции. У «Аль-Уммы» и Народно-демократической партии разные политические программы. Первая считается прозападной партией, а вторая выступает за тесный союз с Объединенной Арабской Республикой. Но когда возникла угроза подрыва политического влияния религиозных сект со стороны Национально-юнионистской партии, объединяющей национальную торговую и сельскую буржуазию, «Аль-Умма» и Народно-демократическая партия забыли о своих разногласиях.

Хартум — Каир
(Окончание следует)

